

Научная статья

УДК 070

DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-6-87-100

«Четвертая власть» в новых реалиях: плюсы и минусы медиасферы Армении

Анаит Васильевна Алесян¹

Марина Васильевна Алесян²

Мери Рафиковна Тадевосян³

^{1–3} Российско-Армянский университет
Ереван, Армения

¹ anahitalekyan77@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0004-0051-0868>

² marina.alekyan@rau.am, <https://orcid.org/0000-0001-6517-4448>

³ mary.tadevosyan@rau.am, <https://orcid.org/0000-0003-3335-4254>

Аннотация

Статья посвящена изучению нормативно-правового поля, регулирующего информационно-медийное пространство Республики Армения (РА), предпринята попытка анализа современного состояния армянского законодательства по части регламентации деятельности медиа. Исследование выявило основные проблемы и ключевые вызовы обеспечения информационной безопасности страны. В статье поднимается вопрос о необходимости реализации правовых реформ, которые должны будут осуществляться с учетом важности обеспечения свободы слова и информации, сохранения контрольной функции медиа как четвертой власти и соблюдения интересов национальной безопасности страны. Междисциплинарный подход к исследованию, выбранная методология, базирующаяся в том числе на социологическом опросе и экспертных интервью, позволили обозначить основные тенденции и риски по рассматриваемой проблеме, а также дать профессиональные рекомендации.

Ключевые слова

медиа, информационная безопасность, законодательство Республики Армения, нормативно-правовое поле, кибербезопасность

Благодарности

Статья выполнена в рамках базового финансирования Комитета по высшему образованию и науке МОНКС РА, из средств Программы развития РАУ на 2023–2025гг. (23PR:HU-educ-63313), финансирования в рамках конкурса надбавок стимулирующего характера к окладам молодых ученых РАУ в 2025 г.

Для цитирования

Алесян А. В., Алесян М. В., Тадевосян М. Р. «Четвертая власть» в новых реалиях: плюсы и минусы медиасферы Армении // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 6: Журналистика. С. 87–100. DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-6-87-100

“Fourth Estate” in New Realities: Pros and Cons of the Armenian Media Sphere

Anahit V. Alekryan¹, Marina V. Alekryan², Mary R. Tadevosyan³

¹⁻³ Russian-Armenian University
Yerevan, Armenia

¹ anahitalekryan77@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0004-0051-0868>

² marina.alekryan@rau.am, <https://orcid.org/0000-0001-6517-4448>

³ mary.tadevosyan@rau.am, <https://orcid.org/0000-0003-3335-4254>

Abstract

The article explores the legal framework regulating the information and media landscape in the Republic of Armenia (RA). It analyzes the current state of Armenian legislation concerning media activities and identifies significant problems and challenges in safeguarding the country's information security. The article emphasizes the necessity of implementing legal reforms that prioritize the protection of freedom of speech and information, uphold the media's role as the fourth estate, and respect national security interests. Utilizing an interdisciplinary approach, the study incorporates a sociological survey, analyses of relevant literature, and expert insights. This comprehensive examination not only identifies key risks but also presents professional recommendations for addressing these challenges.

Keywords

media, information security, legislation of the Republic of Armenia, regulatory framework, cybersecurity

Acknowledgements

This article was prepared within the framework of the basic funding from the Committee for Higher Education and Science of the Ministry of Education, Science, Culture and Sports of the Republic of Armenia (RA MoESCS), using funds from the RAU Development Program for 2023–2025 (23PR:HU-educ-63313), as well as financing under the competition for incentive bonuses to the salaries of young scientists of RAU in 2025

For citation

Alekryan A. V., Alekryan M. V., Tadevosyan M. R. “The Fourth Estate” in New Realities: Pros and Cons of the Armenian Media Sphere. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2025, vol. 24, no. 6: Journalism, pp. 87–100. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-6-87-100

В эпоху стремительного развития информационных технологий, формирования цифрового общества о медиа все чаще говорят как о четвертой власти, причем отнюдь не в том метафорическом смысле, в каком этот термин использовался ранее.

Следует сразу оговориться, что в качестве медиа мы признаем единую систему традиционных СМИ и блогосферы, причем последнюю ныне формируют не классические блоги, а преимущественно каналы в мессенджерах, страницы и аккаунты в соцсетях. На сегодня доступ к Сети имеют свыше 3,2 млрд пользователей, которые вне зависимости от наличия профессионального образования могут стать авторами медиаконтента и активно участвовать в формировании информационных потоков. Таких авторов в современной теории журналистики часто именуют «публикаторами» или «авторствующей публикой». С учетом стабильного роста численности такой публики можно с уверенностью говорить о том, что она постепенно трансформирует стандартную модель производства и распространения массовой информации, формирования информационных потоков [Алекян, Тадевосян, 2023, с. 35].

Данные процессы наблюдаются в информационно-медийной сфере Армении и как никогда актуализируют вопрос об изучении местных законодательных и нормативных документов, регулирующих информационное поле РА. Следует особо отметить: актуальность и новизна данного исследования обеспечиваются в первую очередь тем, что в Армении степень научной разработанности проблемы недостаточно высокая, нет системных и комплексных работ, а обращение экспертов к этой теме ограничивается лишь отдельными публицистическими и научными статьями (в основном на армянском языке). *Методология исследования* основана на междисциплинарном подходе, сочетании анализа научной литературы и методов социопроса и экспертных интервью.

К вышеуказанным темам обращались ряд российских авторов: так, проблемы свободы слова и доступа к информации в контексте создания единой системы международной информбезопасности затрагивались в исследованиях К. А. Ивановой и М. Ж. Мылтыкбаева [2020], дискуссия о применимости международного права к поведению государств в киберпространстве рассматривается в работе Д. В. Красикова [2020], вопросы международной информационной безопасности как вектора развития национальной безопасности рассматриваются в статье В. М. Кулешова и А. В. Тарасенко [2019], тема прав человека в эпоху информационных технологий изучается в работе Е. Ф. Довгань [2018], концепт «свобода слова» в международно-правовом измерении рассматривается в статье Л. Р. Харсиевой [2021]. Попытка теоретико-правового анализа свободы слова в универсальном и региональном аспектах предпринята в работе Ю. С. Безбородова [2021], интересны исследования специфики реализации международно-правовых норм по защите данных в эпоху Big Data Д. Т. Оганесяна [2020а; 2020б], дискуссия о защите персональных данных как институте международной информационной кибербезопасности разворачивается в исследовании Л. О. Гонтарь [2020]. В свое время известный российский теоретик журналистики Е. П. Прохоров, обратившись к проблеме действенности СМИ, подчеркивал, что помимо «давления на социальные институты общественного мнения осуществляется и прямое воздействие на них журналистики» [Прохоров, 1995, с. 68]. По мнению авторитетного российского ученого, в государстве журналистика выполняет управленческую роль и выступает как «четвертая власть» в отношении не только массового сознания, но и социнститутов.

Подобное определение становится еще более актуальным с учетом нового осмысления понятий «аудитория» и «медиа» как системы хаотичных информационных потоков. Это уже новая данность, с которой законодательным, исполнительным и судебным властям в разных странах приходится считаться, поскольку подобное неоднородное и неоднозначное сетевое сообщество (случайные граждане; выполняющие заказы тех или иных сил юзеры; лидеры мнений – политики, общественные деятели, звезды шоу-бизнеса; блогеры; сами журналисты и др.) способно генерировать гражданскую активность, формировать такое общественное мнение, которое может стать стимулом, импульсом и основанием для принятия государственных, политических, правовых решений. Более того, подобная «сила общественного мнения носит не только сиюминутный характер – она способна влиять и на будущие выборы властей» [Прохоров, 1995, с. 80]. В данном контексте следует вспомнить также теорию Э. Денниса, согласно которой, «СМИ “формируют” наше мышление, “воздействуют” на наши мнения и установки, “подталкивают” нас к определенным видам поведения» [Деннис, 1997, с. 139].

По сути, четвертой властью медиа становятся не потому, что «транслируют» для граждан решения законодательной, исполнительной и судебной властей и следят за процессом исполнения этих решений различными институтами, а в первую очередь потому, что сами в состоянии сформировать общественный запрос, требование на принятие / отмену тех или иных политико-правовых документов, законодательных актов, решений и пр.

Исходя из этого, существенно видоизменяется наполнение такого понятия, как «свобода слова». Нормативно-правовых актов, гарантирующих свободу слова, достаточно много, однако наиболее значимые и обобщенные принципы закреплены в следующих международных документах: статья 19 Всеобщей декларации прав человека¹; статья 10 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод²; статья 19 Международного пакта о гражд-

¹ Всеобщая декларация прав человека (10 декабря 1948 г.) (рус.). URL: <https://www.un.org/ru/about-us/universal-declaration-of-human-rights> (дата обращения 04.03.2024).

² Конвенция о защите прав человека и основных свобод (ETS No 005) (рус., англ.). Конвенция от 04 ноября 1950 г. № 005. Редакция, действующая с 1 февраля 2022 г. Действие настоящего документа прекращено в отношении Российской Федерации с 16 марта 2022 г. – Федеральный закон от 28 февраля 2023 г. № 43-ФЗ. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1000003045> (дата обращения 02.03.2024).

данских и политических правах³. Большинство демократических стран заимствовали указанные в этих документах принципы и нормы, заложив их в основу национальных законодательств.

Говоря о свободе слова и цензурных ограничениях в Армении, можно напомнить весьма примечательный кейс из недавнего прошлого РА – страны с парламентской системой правления, законодательное поле которой в вопросе свободы медиа считается довольно прогрессивным. Однако в июле 2021 г., спустя год после 44-дневной войны в Нагорном Карабахе и сразу после внеочередных парламентских выборов (предвыборная борьба к ним считается одной из самых жестких в истории современной Армении, а агиткампания – одной из самых скандальных), Национальное Собрание РА приняло известную статью 137.1 Уголовного кодекса, которая устанавливала существенные штрафы (от 100-кратной до 3000-кратной минимальной зарплаты) и даже арест сроком от одного до трех месяцев за нанесение лицу тяжелого оскорбления, использование ругательств или за тяжкое оскорбление человеческого достоинства в крайне неприличной форме. Статья вызвала жесткую критику не только в международных правозащитных организациях, в армянском обществе в целом и среди оппозиции в частности, но и в медиасфере⁴. Однако инициировавшая и принявшая статью единственно правящая фракция «Гражданский договор» мотивировала принятие такой нормы «необходимостью». Так, глава парламентской комиссии по государственно-правовым вопросам Владимир Варданян отметил, что 10 лет назад в Армении оскорбление и клевета были декриминализованы, и это было хорошо, но к моменту принятия вызвавшей резонанс статьи «ситуация изменилась, в социальных сетях оскорбление повсеместное, а криминализируются не оскорбление и клевета, а нецензурная брань»⁵. По мнению парламентариев от партии власти, законопроект должен был сыграть сдерживающую роль, снизить уровень применения нецензурной лексики до вступления в силу в 2022 г. нового Уголовного кодекса. «Если за этот год мы сможем добиться результатов, не будет необходимости вносить соответствующие изменения в новый Уголовный кодекс», – сказал Варданян. Уже через пару месяцев, в октябре 2021 г., тогдашний защитник прав человека Армении Арман Татоян обратился в Конституционный суд, чтобы оспорить статью, «полную непонятных формулировок, лишённую правовой конкретики, принятую с грубыми процедурными ошибками». «Эта статья УК уже вызвала проблемы, которые будут усугубляться, а заявленная цель так и не будет достигнута», – отметил Татоян, указав на недопустимость ее принятия без предварительного масштабного обсуждения с привлечением специалистов и профессионалов. Омбудсмен также подчеркивал, что согласно п. 1 ст. 137.1 УК Армении, правоохранные органы обязаны инициировать масштабную проверку записей всех СМИ и юзеров в соцсетях (а это тысячи записей), промониторить фейковые страницы, комментарии и аккаунты пользователей из диаспоры. По словам правозащитника, только в таком случае возможно полноценное ис-

³ Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения 04.03.2024).

⁴ Достаточно назвать несколько заголовков СМИ: «Парламент Армении принял в первом чтении законопроект о криминализации оскорблений» (Aysor.am, 30.07.2021. URL: <https://www.aysor.am/ru/news/2021/07/30/%D0%BA%D1%80%D0%B8%D0%BC%D0%B8%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F-%D0%BE%D1%81%D0%BA%D0%BE%D1%80%D0%B1%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F/1855778>); «Фемида со статьей 137.1 под мышкой» (Голос Армении, 2021.10.08. URL: <https://www.golosarmenii.am/article/131006/femida-so-statej-137-1-pod-myshkoj?ysclid=ltlp55mdqk193296401>); «Татоян обратится в КС с ходатайством о приостановлении действия закона об оскорблении» (Sputnik Армения, 14.10.2021. URL: <https://ru.armeniasputnik.am/20211014/tatoyan-obratitsya-v-ks-s-khodataystvom-o-priostanovlenii-deystviya-zakona-ob-oskorblenii--34266847.html>); «Freedom House призывает парламент Армении отменить статью о “тяжком оскорблении”» (Russia-Armenia.info, 08.02.2022. URL: <https://russia-armenia.info/node/80701>) (дата обращения 02.03.2024) и др.

⁵ «Нецензурная брань карается уголовно: принят соответствующий законодательный пакет» (Арменпресс, 30.07.2021. URL: <https://armenpress.am/ru/article/1059527> (дата обращения 04.03.2024)).

полнение закона, а сама законодательная инициатива не окажется бессмысленной⁶. Омбудсмен задавался также вопросом, достаточен ли потенциал правоохранителей для изучения столь обширного материала. Татоян обращался с соответствующим ходатайством о приостановлении действия ст. 137.1 УК РА до завершения процесса в Конституционном суде.

Попытки внедрения цензурных ограничений властями могут обосновываться и другими важными целями, например обеспечением национальной и государственной безопасности (согласно официальной информации, именно этими соображениями обусловлено принятие в России закона о СМИ-иноагентах⁷), общественного порядка; защитой общества от террористов и фейков; борьбой со вседозволенностью, буллингом, травлей в Сети и др.

Право на свободу слова и выражение мнения действительно не является абсолютным. Однако ограничения права общества и медиа на свободу слова и выражение мнения должны быть сформулированы юридически корректно, без двусмысленностей и возможности вольного толкования, должны быть способны выдержать проверку на правовую грамотность, соответствие международным нормам, Конституции, а также должны быть прогнозируемыми. Сетевое сообщество, граждане, представители медиасферы должны ясно понимать правовые последствия распространения той или иной информации. Усиление медиа как «четвертой власти» возможно лишь тогда, когда ограничения свободы слова и выражения мнения глубоко продуманы с правовой точки зрения.

Именно особенности информационного пространства Армении, которые порой чреваты деструктивными процессами, как никогда актуализируют вопрос об изучении местных законодательных и нормативных документов, регулирующих информационное поле РА.

Ряд авторитетных армянских медиаэкспертов и юристов отмечают, что обзор армянского законодательства (в частности, законов о свободе информации, о массовой информации, о телевидении и радио, о рекламе и об электронной информации⁸) позволяет заключить: в Республике Армения процесс формирования и производства массовых информационных потоков в достаточной степени урегулирован на законодательном уровне – целым рядом законов в настоящий момент обеспечивается защита свободы слова, деятельности прессы, прав человека и вместе с тем государственной и общественной безопасности еще с момента их принятия.

Вышеотмеченное также подтверждается результатами исследования нормативно-правового поля, регламентирующего информационно-медийное поле РА.

Конституцией РА в рамках обеспечения прав на свободу слова, выражения мнения и доступа к информации в соприкосновении с государственной и общественной безопасностью всегда гарантировалась информационная безопасность.

С 2003 г. по настоящее время в Армении активизировался процесс разработки и применения конкретных шагов по оптимизации информполитики и информационной безопасности страны.

Еще с 1991 г. в РА действовал Закон «О печати и других средствах массовой информации», который утратил силу с принятием в 2003 г. нового закона о массовой информации, нацеленного на координацию порядка распространения массовой информации, ее опровержения и права на ответ; на установление гарантий обеспечения права на свободу слова в информационной сфере; на формирование принципов аккредитации представителей СМИ;

⁶ «Татоян обратится в КС с ходатайством о приостановлении действия закона об оскорблении» (Sputnik Армения, 14.10.2021. URL: <https://ru.armeniasputnik.am/20211014/tatoyan-obratitsya-v-ks-s-khodataystvom-o-priostanovlenii-deystviya-zakona-ob-oskorblenii--34266847.html> (дата обращения 04.03.2024)).

⁷ Реестр иностранных средств массовой информации, выполняющих функции иностранного агента, можно посмотреть на сайте Министерства юстиции Российской Федерации (minjust.gov.ru).

⁸ Все указанные в статье законы официально опубликованы в Правовой информационной системе Армении «Arlis.am» (URL: <https://www.arlis.am/> (дата обращения: 25.03.2025)) и представлены на армянском языке. Лишь некоторые из законов можно найти в русскоязычной версии на официальном сайте Национального Собрания РА, однако они не всегда обновленные.

а также на определение оснований, которые позволяют лицам, осуществляющим информационную деятельность, избежать ответственности.

Сфера информационной безопасности развивалась и за счет законодательства, подвергнувшегося с 1996 г. модернизации и законодательным изменениям, регулирующим правоотношения по обеспечению информбезопасности. Так, с 1996 г. в РА действует Закон «О государственной и служебной тайне», регламентирующий виды информации, которые признаются государственной и служебной тайной. Этим же законом определялся перечень сведений, не подпадающих под эти категории и подлежащих публикации.

В настоящее время с принятием нового Закона РА «О государственной тайне», вступившего в законную силу с 28.01.2024, указанный выше закон признан утратившим силу, а служебная тайна приравнена к государственной.

В 2003 г. был принят и вступил в силу Закон РА «О свободе информации», регулирующий правовые отношения, связанные со свободой информации и полномочиями обладателей информации, а также устанавливающий порядок, условия и способы получения необходимой информации. Примечательным является то обстоятельство, что с момента вступления в силу данного закона он изменялся лишь два раза (за последние 2 года), и эти изменения не несут содержательного характера.

С 2002 г. в Армении действовал Закон «О персональных данных», который утратил силу с принятием и вступлением в силу в 2015 г. Закона РА «О защите личных данных». Указанное изменение является кардинальным и крайне необходимым, поскольку утратившим силу Законом РА «О персональных данных» подлежали регулированию правоотношения, касающиеся лишь обработки персональных данных госорганами и муниципалитетами, юридическими или физическими лицами. А действующий в настоящее время Закон РА «О защите личных данных» направлен на регулирование собственно порядка и условий обработки личных данных органами государственного управления или местного самоуправления, государственными или муниципальными учреждениями или организациями, юридическими или физическими лицами, а также на осуществление за ними государственного надзора.

В 2004 г. был принят и вступил в силу Закон РА «Об архивном деле», регулирующий правоотношения в сфере использования, комплектования, учета и хранения Архивного фонда Республики Армения и прочих архивных документов (вне зависимости от права собственности на данные документы). Закон в целом регулирует правовые отношения, связанные с архивным делом. Он подвергался изменениям всего 4 раза, из которых существенно данный закон был дополнен в 2016 г. Соответствующим дополнением в ч. 1 ст. 3 указанного Закона было введено в оборот понятие «документ», т. е. сведения, зафиксированные на материальном носителе с условиями, которые позволяют их идентифицировать.

С учетом развития современных электронных систем в Армении в 2004 г. был принят Закон РА «Об электронном документе и электронной цифровой подписи», регулирующий порядок применения электронных документов и электронных цифровых подписей, а в 2005 г. принят и вступил в силу Закон РА «Об электронной связи».

В 2009 г. в Республике Армения впервые Президентом РА было принято распоряжение «Об утверждении концепции информационной безопасности Республики Армения».

Примечательно, что еще в 2011 г. в Национальную программу по повышению эффективности борьбы с организованной преступностью, а в 2012 г. в Национальную стратегию по борьбе с терроризмом были включены вопросы защиты от кибертерроризма и обеспечения кибербезопасности. В 2014 г. правительство РА утвердило стратегический план электронного управления.

Кибербезопасность в Армении с 2006 г. защищается и Уголовным Кодексом РА. Введенными в УК в 2006 г. изменениями и дополнениями преступлениями стали рассматриваться деяния, совершаемые с использованием компьютерных технологий (например, криминализировалось хищение, совершенное с использованием компьютерной техники), а также была

введена отдельная глава, устанавливающая преступления против компьютерной информационной безопасности.

При этом глубинное исследование проблем с информбезопасностью в Армении выявляет серьезные изъяны и несоответствие ее нынешнего уровня запросам государства и общества. Главная причина недостаточно развитой системы информационной безопасности Армении как раз и заключается в том, что законодательная база не выделяет кибербезопасность в отдельную сферу регулирования.

Уязвимое и недостаточно четкое правовое регулирование общественных отношений в информационной сфере практически всегда чревато серьезными последствиями. Недостаточное правовое регулирование возможных отношений в области конституционного строя, защиты прав граждан, законных интересов, защиты страны, безопасности государства существенно затрудняет обеспечение необходимого баланса интересов личности, общества и государства в области информации. Именно поэтому в Армении все чаще делаются попытки совершенствования законодательства, регулирующего правоотношения в сфере информации.

Так, принятый в 2021 г. новый Уголовный Кодекс РА (вступило в силу 01.07.2022) включает в себя главу «Преступления против безопасности компьютерной системы и компьютерных данных», устанавливающую группу преступлений в сфере информационной безопасности.

Тем не менее в настоящее время в Армении не имеется конкретного закона «О защите информационной безопасности», которым будут определены понятия и соотношение понятий «информационная безопасность» и «кибербезопасность» и на основе которого правилами РА будут разработаны конкретные механизмы обеспечения защиты информационной безопасности и / или кибербезопасности и борьбы с нарушениями.

В целом необходимо подчеркнуть, что сложившиеся реалии политического, социального и экономического характера усиливают разрыв между общественным запросом на свободный обмен информацией и необходимостью сохранения регулируемых ограничений на распространение информации. В данном контексте наблюдается повышение роли медиа и увеличение требований общественности по устранению цензурных препон. При этом права граждан на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, тайну переписки, закрепленные в Конституции Республики Армения, пока не имеют необходимой правовой, организационной и технической поддержки. Защита данных (персональных данных), собираемых физическими лицами из государственных органов и органов местного самоуправления, также нуждается в пересмотре и модернизации.

В этом свете весьма показателен инцидент, произошедший в период пандемии коронавируса и заставивший всерьез задуматься над вопросами безопасности личных данных граждан. В июне 2020 г. азербайджанские хакеры, члены группы «Reynser», взломали базу с данными пациентов в Армении, у которых был диагностирован COVID-19, и опубликовали личные данные порядка 3 500 человек, зараженных коронавирусом, а также контактировавших с ними лиц. Эксперты по кибербезопасности говорили о вероятном взломе электронной почты Минздрава РА⁹. Буквально через 20 дней те же хакеры «слили» в Сеть в двух файлах новые личные данные пациентов с коронавирусом – имена, адреса и мобильные телефоны. На этот раз отсутствовали паспортные данные. Речь шла о сведениях, касающихся около тысячи человек. Доступ к данным они получили все тем же путем – через взлом электронной почты. Данные инциденты с распространением личных данных весьма опасны. Кроме того, здесь мы имеем дело с разглашением медицинской тайны, что может привести к стигматизации этих людей. В данном контексте важно подчеркнуть, что в Армении нет законодательных норм с требованием о публикации информации о взломе того или иного сайта, об «утеч-

⁹ Напомним, в марте 2020 г. Служба национальной безопасности Армении выявила несколько случаев взлома азербайджанскими хакерами аккаунтов армянских пользователей социальных сетей и распространение дезинформации через эти страницы.

ке» персональных данных, обнаружении фактов расследования (то, что в зарубежном законодательстве именуется понятием «Notifiable Patient Safety Incidents» – обязательное раскрытие инцидентов информационной безопасности). Данная информация (об утечке персональных данных) необходима пользователям для того, чтобы они понимали, какие шаги им нужно предпринять, как быть в этой ситуации и т. п.

Одним из возможных путей решения данных проблем в области информационной безопасности как раз и может стать реформирование действующей нормативно-правовой базы в сфере информбезопасности РА.

Главный редактор одного из ведущих в Армении информационных агентств – «Медиа-макса», доцент кафедры журналистики Российско-Армянского университета Давид Алавердян в экспертном интервью отмечает, что воздействие современных медиа воистину огромно, в том числе в Армении, но наряду с развитием средств массовой информации, блогосферы и усиления их влияния на политико-правовые, социальные процессы наблюдается также рост возможностей медиаманипуляций и фейкньюс. И в этом контексте ситуация складывается неоднозначная. Специалист считает, что, хотя роль медиа как четвертой власти в любом демократическом государстве очень важна, необходимо отделять медиа от всего того, что представляет риски информационной безопасности. По словам эксперта, в рейтинге доверия медиа в Армении сегодня занимают одно из последних мест среди всех общественных институтов, и это не может не беспокоить представителей СМИ, теоретиков и практиков журналистики.

На фоне сложившейся вокруг Армении геополитической обстановки, многочисленных региональных вызовов и внутривосточного кризиса, которые могут представлять собой угрозу национальной и государственной безопасности (с чем армянское общество столкнулось в период военных событий осенью 2020 г.), сформировалась четкая необходимость совершенствования системы правового регулирования общественных отношений в медиа-сфере.

Однако эксперты склонны проявлять максимальную осторожность в вопросах внешнего вмешательства в информационное поле. На вопрос о том, какие механизмы, которые бы регулировали деятельность СМИ, но при этом не использовались в цензурных целях, необходимо выработать Д. Алавердян отвечает: «Если мы хотим, чтобы при задействовании доктрины информационной безопасности чаша весов не перевешивала в ту или иную сторону, необходимо соблюдать определенный баланс. Этими вопросами должны заниматься журналисты, которых необходимо наделить соответствующими полномочиями».

Для уточнения вопросов о том, как будущие специалисты в области медиа относятся к возможностям внешних ограничений по контролю информационных потоков страны, нами был проведен социологический опрос, в котором приняло 60 человек – студенты факультета журналистики Российско-Армянского университета: 78,3 % (47 чел.) респондентов составили лица женского пола, 21,7 % (13 чел.) – мужского пола, возраст опрошенных составил от 17 до 29 лет. Ответы представлены на рис. 1–5.

Резюмируя результаты социологического опроса, мы сформулировали следующие выводы. Во-первых, констатируется высокая степень недоверия опрошенных к традиционным средствам массовой информации: верят сообщениям СМИ всего 10 человек, 43 респондента проявляют недоверие к новостям, получившим распространение через СМИ. Согласно результатам исследования, сообщения в Telegram-каналах являются основным источником информации о событиях в стране и мире для большинства опрошенных (56,7 %), далее следуют социальные сети (16,7 %), замыкают тройку сообщения из Интернета (8,3 %). Исследование выявило, что перепроверяют новости лишь 28,3 % опрошенных, большая доля респондентов (48,3 %) при получении информации делятся ею с друзьями, коллегами, членами семьи и т. п. При этом порядка 62 % респондентов солидарны с позицией властей, согласно которой государство должно ограничивать распространение сообщений с целью блокировки фейкньюс. А на вопрос – какой вид цензуры Вы одобряете – 48,3 % опрошенных выбрало

следующий вариант ответа: цензура, применяемая в целях обеспечения национальной безопасности.

Какими источниками информации о событиях в стране и в мире Вы преимущественно пользуетесь?

60 ответов

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос 1
Fig. 1. Distribution of answers to question 1

Согласны ли Вы со следующими суждениями

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос 2
Fig. 2. Distribution of answers to question 2

Что Вы делаете в основном с полученной информацией?

60 ответов

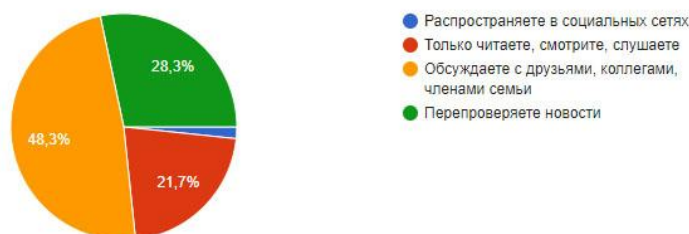

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос 3
Fig. 3. Distribution of answers to question 3

Согласны ли Вы с тем, что правительство страны должно ограничивать распространение сообщений для блокировки ложных новостей?

60 ответов

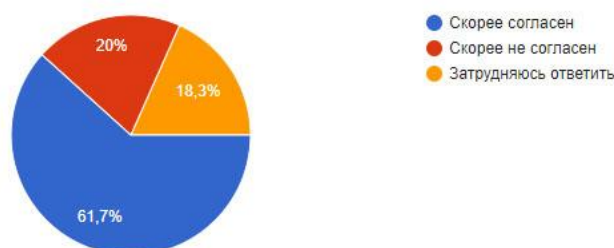

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос 4
Fig. 4. Distribution of answers to question 4

Какие виды цензуры Вы одобряете?

58 ответов

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос 5
Fig. 5. Distribution of answers to question 5

Таким образом, в отличие от опытных экспертов в медиасфере, представители молодежи – будущие специалисты-журналисты – преимущественно разделяют позицию, согласно которой цензура, применяемая в целях обеспечения национальной и государственной безопасности, является необходимостью.

Обобщая вышесказанное, можем выделить следующие ключевые тенденции: проблемы медийного поля Армении во многом обусловлены спецификой современной аудитории публикаторов, неоднозначностью имплементации принципов свободы слова и выражения мнения, сложностью корректного, грамотного внедрения цензурных норм, неотрегулированностью законодательства и отсутствием должного контроля государства и ключевых институтов над процессом формирования информационных потоков. В связи с этим налицо необходимость реализации правовых реформ, которые должны будут осуществляться с учетом важности обеспечения свободы слова и информации, сохранения контрольной функции медиа как четвертой власти, соблюдения интересов национальной безопасности страны, но без внедрения необоснованных цензурных ограничений.

Список литературы

Алесян М. В., Тадевосян М. Р. Современный медиатекст: от информационных потоков к созданию контента: Учеб.-метод. пособие. Ереван: Изд-во РАУ, 2023. 149 с.

- Безбородов Ю. С.** Теоретико-правовой анализ свободы слова в универсальном и региональном измерении: грани разумного // Вестник Удмурт. ун-та. Серия: Экономика и право. 2021. Т. 31, вып. 4. С. 721–728. DOI 10.35634/2412-9593-2021-31-4-721-728
- Гонтарь Л. О.** О защите персональных данных как институте международной информационной кибербезопасности на примере проекции отдельных международных организаций // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2020. № 1. С. 74–86. DOI 10.12737/jflcl.2020.002
- Деннис Э.** Беседы о масс-медиа. М.: Вагриус, 1997. 383 с.
- Довгань Е. Ф.** Права человека в эпоху информационных технологий // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2018. № 5. С. 109–125. DOI 10.17803/2311-5998.2018.45.5.109-125
- Иванова К. А., Мылтыкбаев М. Ж.** Свобода слова и право на доступ к информации в условиях формирования системы международной информационной безопасности // Право-применение. 2020. Т. 4, № 4. С. 80–93. DOI 10.24147/2542-1514.2020.4(4).80-93
- Красиков Д. В.** Применимость международного права к поведению государств в киберпространстве: проблемы достижения консенсуса // Вестник Саратов. юрид. академии. 2020. № 6 (137). С. 86–95. DOI 10.24411/2227-7315-2020-10159
- Кулешов В. М., Тарасенко А. В.** Международная информационная безопасность как вектор развития национальной безопасности России и Германии // Социально-экономические явления и процессы. 2019. Т. 14, № 105. С. 60–73. DOI 10.20310/1819-8813-2019-14-105-60-73
- Оганесян Т. Д.** Международно-правовые аспекты реализации права на защиту данных: проблемы и тенденции // Вестник Том. гос. ун-та. 2020а. № 454. С. 233–243. DOI 10.17223/15617793/454/29
- Оганесян Т. Д.** Право на защиту персональных данных: исторический аспект и современная концептуализация в эпоху Big Data // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2020б. № 2. С. 48–63. DOI 10.12737/jflcl.2020.010
- Прохоров Е. П.** Введение в теорию журналистики. М., 1995. 351 с.
- Харсиева Л. Р.** Свобода слова в международно-правовом измерении // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2021. № 3. С. 77–84. DOI 10.34076/22196838_2021_3_77

Список источников

- Всеобщая декларация прав человека (10 декабря 1948 г.) (рус.). URL: <https://www.un.org/ru/about-us/universal-declaration-of-human-rights> (дата обращения 04.03.2024).
- Конвенция о защите прав человека и основных свобод (ETS N 005) (рус., англ.). Конвенция от 04 ноября 1950 г. № 005. Редакция, действующая с 1 февраля 2022 г. Действие настоящего документа прекращено в отношении Российской Федерации с 16 марта 2022 г. – Федеральный закон от 28 февраля 2023 г. № 43-ФЗ. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1000003045> (дата обращения 02.03.2024).
- Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения 04.03.2024).

References

- Alekyan M. V., Tadevosyan M. R.** Sovremennyyi mediatekst: ot informatsionnykh potokov k sozdaniyu kontenta [Modern Media Text: From Information Flows to Content Creation]. Educational and Methodological Manual. Yerevan, RAU Publ., 2023, 149 p. (in Russ.)

- Bezborodov Yu. S.** Teoretiko-pravovoi analiz svobody slova v universal'nom i regional'nom izmerenii: grani razumnogo [Legal-Theoretical Analysis of Freedom of Speech in the Universal and Regional Dimension: The Edge of Reason]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Ekonomika i pravo* [Bulletin of the Udmurt University. Series: Economics and Law], 2021, vol. 31, iss. 4, pp. 721–728. (in Russ.) DOI 10.35634/2412-9593-2021-31-4-721-728
- Dennis E.** Besedy o mass-media [Conversations about Mass Media]. Moscow, Vagrius Publ., 1997, 383 p. (in Russ.)
- Dovgan E. F.** Prava cheloveka v epokhu informatsionnykh tekhnologii [Human Rights in the Era of Information Technology]. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2018, no. 5, pp. 109–125. (in Russ.) DOI 10.17803/2311-5998.2018.45.5.109-125
- Gontar L. O.** O zashchite personal'nykh dannykh kak institute mezhdunarodnoi informatsionnoi kiberbezopasnosti na primere proektsii otel'nykh mezhdunarodnykh organizatsii [On Personal Data as an Institute of International Information Cybersecurity in the Projection of International Organizations]. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya* [Journal of Foreign Legislation and Comparative Law], 2020, no. 1, pp. 74–86. (in Russ.) DOI 10.12737/jflcl.2020.002
- Ivanova K. A., Myltykbaev M. Zh.** Svoboda slova i pravo na dostup k informatsii v usloviyakh formirovaniya sistemy mezhdunarodnoi informatsionnoi bezopasnosti [The Freedom of Speech and Right of Access to Information in the Emerging System of International Information Security]. *Law Enforcement Review*, 2020, vol. 4, no. 4, pp. 80–93. (in Russ.) DOI 10.24147/2542-1514.2020.4(4).80-93
- Kharsieva L. R.** Svoboda slova v mezhdunarodno-pravovom izmerenii [Freedom of Speech in the International Legal Dimension]. *Elektronnoe prilozhenie k "Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu"* [Electronic Supplement to "Russian Legal Journal"], 2021, no. 3, pp. 77–84. (in Russ.) DOI 10.34076/22196838_2021_3_77
- Krasikov D. V.** Primenimost' mezhdunarodnogo prava k povedeniyu gosudarstv v kiberprostranstve: problemy dostizheniya konsensusa [Applicability of International Law to the Conduct of States in Cyberspace: Problems of Achieving Consensus-Building]. *Vestnik Saratovskoi yuridicheskoi akademii* [Bulletin of the Saratov Law Academy], 2020, no. 6 (137), pp. 86–95. (in Russ.) DOI 10.24411/2227-7315-2020-10159
- Kuleshov V. M., Tarasenko A. V.** Mezhdunarodnaya informatsionnaya bezopasnost' kak vektor razvitiya natsional'noi bezopasnosti Rossii i Germanii [International Information Security as Vector of Development of National Security of Russia and Germany]. *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy* [Socio-Economic Phenomena and Processes], 2019, vol. 14, no. 105, pp. 60–73. (in Russ.) DOI 10.20310/1819-8813-2019-14-105-60-73
- Oganesyan T. D.** Mezhdunarodno-pravovye aspekty realizatsii prava na zashchitu dannykh: problemy i tendentsii [International Legal Issues of Realization of the Right to Data Protection: Problems and Trends]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 2020, no. 454, pp. 233–243. (in Russ.) DOI 10.17223/15617793/454/29
- Oganesyan T. D.** Pravo na zashchitu personal'nykh dannykh: istoricheskii aspekt i sovremennaya kontseptualizatsiya v epokhu Big Data [The Right to Personal Data Protection: Historical Aspect and Modern Conceptualization in the Age of Big Data]. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya* [Journal of Foreign Legislation and Comparative Law], 2020, no. 2, pp. 48–63. (in Russ.) DOI 10.12737/jflcl.2020.010
- Prokhorov E. P.** Vvedenie v teoriyu zhurnalistiki [Introduction to the Journalism Theory]. Moscow, 1995, 351 p. (in Russ.)

List of Sources

Konventsia o zashchite prav cheloveka i osnovnykh svobod [Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms] (ETS No. 005) (Russian, English). Konventsia ot 04.11.1950 № 005. Redaktsiya, deistvuyushchaya s 01.02.2022. Deistvie nastoyashchego

dokumenta prekrashcheno v otnoshenii Rossiiskoi Federatsii s 16.03.2022 – Federal'nyi zakon ot 28.02.2023 No. 43-FZ [Convention of November 4, 1950, no. 005. Version effective February 1, 2022. This document has been terminated in relation to the Russian Federation since March 16, 2022 – Federal Law of February 28, 2023 No. 43-FZ]. (in Russ.) URL: <https://docs.cntd.ru/document/1000003045> (accessed 02.03.2024).

Mezhdunarodnyi pakt o grazhdanskikh i politicheskikh pravakh [International Covenant on Civil and Political Rights]. Prinyat rezolyutsiei 2200 A (XXI) General'noi Assamblei ot 16.12.1966 [Adopted by General Assembly resolution 2200 A (XXI) of December 16, 1966]. (in Russ.) URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (accessed 04.03.2024).

Vseobshchaya deklaratsiya prav cheloveka [Universal Declaration of Human Rights] (10.12.1948). (in Russ.) URL: <https://www.un.org/ru/about-us/universal-declaration-of-human-rights> (accessed 04.03.2024).

Информация об авторах

Анаит Васильевна Алесян, кандидат юридических наук

WoS Researcher ID KEI-3857-2024

Марина Васильевна Алесян, кандидат филологических наук, доцент

WoS Researcher ID KEI-3857-2024

RSCI Author ID 1237210

SPIN 8562-1717

Мери Рафиковна Тадевосян, кандидат филологических наук, доцент

WoS Researcher ID HCI-0587-2022

RSCI Author ID 1019789

SPIN 6358-3776

Information about the Authors

Anahit V. Alekryan, Candidate of Sciences (Jurisprudence)

WoS Researcher ID KEI-3857-2024

Marina V. Alekryan, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor

WoS Researcher ID KEI-3857-2024

RSCI Author ID 1237210

SPIN 8562-1717

Mary R. Tadevosyan, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor

WoS Researcher ID HCI-0587-2022

RSCI Author ID 1019789

SPIN 6358-3776

Вклад авторов:

А. В. Алесян – анализ законодательства и нормативно-правового поля РА.

М. В. Алесян – разработка теоретических подходов, разбор практических кейсов и получение экспертных рекомендаций.

М. Р. Тадевосян – обзор научно-критической литературы, разбор практических кейсов и проведение соцопроса.

Contribution of the Authors:

Anahit V. Alekryan – analysis of legislation and regulatory framework of the Republic of Armenia.

Marina V. Alekryan – development of theoretical approaches, analysis of practical cases and obtaining expert recommendations.

Mary R. Tadevosyan – review of scientific and critical literature, analysis of practical cases and conducting a survey.

*Статья поступила в редакцию 15.03.2024;
одобрена после рецензирования 20.05.2024; принята к публикации 22.05.2024
The article was submitted on 15.03.2024;
approved after reviewing on 20.05.2024; accepted for publication on 22.05.2024*